

RU

Репрезентация фемцида в латиноамериканских СМИ: от легитимации к делегитимации насилия над женщинами

Горностаева Ю. А.

Аннотация. Цель исследования - выявить стратегии и средства репрезентации фемцида в латиноамериканской прессе в рамках двух противоположных процессов - легитимации и делегитимации. Научная новизна заключается в комплексном дискурсивно-лингвистическом двустороннем анализе медиарепрезентации фемцида в контексте его легитимации и делегитимации. В результате было установлено, что латиноамериканские журналисты, ведомые идеологическими установками правительства, легитимируют фемцид посредством стратегии эмоциональной оценки, которая находит свое языковое отражение в альтернативных наименованиях фемцида и эвфемизмах, отрицающих само существование проблемы дискриминации женщин. При этом с помощью соответствующих лексических единиц (лексики с семантикой «обезуметь») конструируется образ насильника-жертвы-самоубийцы, а сам факт насилия репрезентируется как неизбежный неконтролируемый инцидент. Женщина, в свою очередь, обвиняется в нарушении определенных гендерных установок, что происходит с помощью стратегии апелляции к авторитету традиции. Делегитимация фемцида реализуется через стратегию дегуманизации в сочетании со стратегией моральной оценки: фемцид в таком случае репрезентируется как жестокость по отношению к женщинам и ущемление их прав. При дегуманизации фемцида журналисты используют также стратегию обвинения государства, указывая на вопиющие случаи игнорирования проблемы правоохранительными органами и попытки скрыть реальные причины женской смертности.

EN

Evolution of Femicide Representation in the Latin-American Mass Media: From Legitimation to Deligitimation

Gornostaeva Y. A.

Abstract. The paper aims to identify strategies and means of femicide representation in the Latin-American mass media within the framework of two opposing processes - legitimation and deligitimation. Scientific originality of the study involves a comprehensive discursive-linguistic analysis of the femicide media representation in the context of legitimation and deligitimation strategies. As a result, it is shown that the Latin-American journalists guided by the government ideologies legitimate femicide using the emotional evaluation strategy which manifests itself in the use of lexical substitutes for “femicide” and euphemisms aimed to hide the problem of women’s discrimination. Using appropriate vocabulary (lexical units with the semantics “to lose one’s mind”), journalists create an image of a rapist-victim-suicider, and violence case is presented as an inevitable accident. In her turn, the woman is accused of violating certain gender stereotypes. The accusation strategy is realized by appealing to the tradition. Deligitimation of femicide is realized through implementation of the dehumanization strategy and the moral evaluation strategy: in this case, femicide is represented as violence against women and violation of their rights. To dehumanize femicide, journalists use the strategy of accusing the state, indicating striking cases of ignoring the problem and revealing attempts of law-enforcement bodies to hide real causes of female mortality.

Введение

Проблема гендерной жестокости и фемцида в данное время широко освещается как исследователями разных научных областей знаний, так и средствами массовой информации. Сейчас ни у кого не остается сомнений, что ничем нельзя оправдывать вопиющие случаи насилия над женщинами, зачастую происходящие в семье. Однако средства массовой информации в разные периоды времени выступали и как субъект легитимации,

и как субъект делигитимации фемицида в глазах широкой общественности. Это было обусловлено разными экстралингвистическими факторами, среди которых главенствующая роль всегда приписывалась идеологическим установкам политической элиты, регулирующей и ограничивающей деятельность журналистов.

Латинская Америка всегда находилась в центре гендерного скандала. Ежедневно, по официальным данным, в одной только Мексике погибает около 10 женщин от рук мужчин. Из-за пренебрежительного отношения к женщинам, половой дискриминации, некомпетентности правоохранительных органов и игнорирования проблемы на государственном уровне насильникам нередко удается избежать наказания.

Актуальность данного исследования обусловлена огромной социальной значимостью проблемы гендерной жестокости, растущим интересом государственных структур и широкой общественности к решению данного вопроса, а также необходимостью преодоления гендерных стереотипов и установок, которые поддерживаются некоторыми средствами массовой информации, что, в свою очередь, приводит к сокрытию проблемы и невозможности остановить фемицид.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: 1) провести анализ теоретических трудов отечественных и зарубежных авторов, посвященных проблеме языковой легитимации/делегитимации и репрезентации фемицида в СМИ; 2) выявить дискурсивные стратегии и средства легитимации/делегитимации фемицида в средствах массовой информации Латинской Америки; 3) провести сравнительно-сопоставительный анализ процессов реализации легитимации и делегитимации фемицида латиноамериканскими журналистами.

Ключевыми методами исследования стали: дискурсивный анализ, анализ дискурсивных стратегий и тактик легитимации/делегитимации [15] с элементами лексико-семантического анализа средств реализации данных стратегий.

Теоретическая база исследования представляет собой работы российских и зарубежных лингвистов, посвященные теории языковой легитимации [1; 7; 15; 20; 21] и практическому анализу процесса легитимации власти [5; 7; 12; 13], государственных институтов [2; 4; 16; 17] и социальных явлений [3], а также труды испаноязычных языковедов, освещающие репрезентацию фемицида в прессе [6; 14; 22].

Практическая значимость исследования заключается в возможности использовать полученные результаты для преподавания как языковых, так и правовых дисциплин: теории дискурс-анализа, курсов по коммуникативной лингвистике и прагмалингвистике, гражданского права.

Проблема репрезентации фемицида в латиноамериканской прессе попадала в фокус внимания испаноязычных исследователей-лингвистов, на данные которых мы также будем опираться в рамках настоящего исследования [Там же].

Так, по мнению автора исследования медиаосвещения проблемы гендерной жестокости в Чили, чилийские СМИ, с одной стороны, внесли свой вклад в привлечение внимания общественности к данной проблеме, что позволило дифференцировать такие понятия, как «убийство» и «фемицид». Однако, с другой стороны, чилийские СМИ поддерживали половое неравенство, пытались объяснить мотивы насильников гендерными стереотипами, что, в свою очередь, приводило к размыванию и сокрытию данной проблемы [14].

Анализ репрезентации фемицида на мексиканском телевидении (в сериалах, фильмах, рекламах и шоу) показал, что насилие над женщинами представляется как нечто тривиальное и обыденное. Мексиканские сериалы легитимируют плохое обращение с женщинами, унижения, избиения, насилие и убийства и представляют их как «нормальное явление». Рекламные ролики включают множество примеров дискриминации и жестокости по отношению к женщинам, воспроизводят стереотипное представление женщины как сексуального объекта. Тематика телешоу нередко основана на пропаганде гендерно обусловленных социальных функций и ролей, которые навязываются женщинам извне другими женщинами-экспертами, – воспитывать детей, кормить семью, повиноваться [22].

Легитимация и делегитимация как ведущие процессы признания значимости и обесценивания социальных проблем в СМИ

В контексте лингвистических исследований легитимация и делегитимация изначально рассматривались исключительно в парадигме критического дискурс-анализа политического дискурса применительно к процессу становления социальных институтов, появление и существование которых требовали объяснения и оправдания их целесообразности в глазах общественности [1].

Сейчас легитимация определяется как дискурсивная стратегия формирования легитимности объекта легитимации [7; 21], т.е. создания его позитивного образа [20]. Делегитимация, в свою очередь, – это противоположный легитимации процесс лишения правомерности.

В качестве объекта языковой легитимации, как правило, выступает какой-либо социальный институт или политическая персоналия, стоящая во главе этого института: монархия [4; 16], институт национального образования [17], институт власти [5; 7; 18; 19] и др.

Легитимация (как и делегитимация) реализуется при помощи четырех ключевых стратегий: апелляция к авторитету, моральная оценка, рационализация, мифопоэтика [15].

В современной дискурсологии наметилась тенденция к анализу процесса легитимации за рамками политического дискурса. Так, появляются исследования, посвященные стратегиям и средствам легитимации в педагогическом дискурсе [2] и массмедиа [4]. Фокус внимания исследователей постепенно смещается с анализа

процесса легитимации общественных институтов на рассмотрение процесса легитимации и делегитимации сложных социальных явлений, например однополых браков [3].

Легитимация фемцида в латиноамериканской прессе

Материалом исследования стали тексты на испанском языке авторитетных изданий Мексики и Чили, посвященные проблеме фемцида: *Diario de México* [8], *La Tercera* [12], *La Cuarta* [11], *LUN* [13], *Miguel Ángel Luna Noticias* [9].

Проблема фемцида в Латинской Америке уже долгое время находится в центре внимания как национальных, так и международных СМИ, обсуждаются возможности предотвращения насилия и жестокого обращения с женщинами. Однако власти и подконтрольные им средства массовой информации нередко пытаются скрыть реальное положение дел, выставить вопиющие случаи убийств и насилия над женщинами как суицид, несчастный случай или бытовую травму. Большое число смертей можно было бы предотвратить, поскольку женщины незадолго до смерти обращались с заявлениями в правоохранительные органы, которые никак не отреагировали на них. Пренебрежительное отношение к женщинам со стороны властей и социальных институтов замалчивается в прессе, чтобы предотвратить делегитимацию государственной власти, а сами случаи фемцида легитимируются журналистами.

Так, часто насилие над женщинами репрезентируется как двойная трагедия, когда после убийства мужчина тоже уходит из жизни, совершая суицид (примеры 1-3). Таким образом, реализуется **стратегия моральной оценки**.

(1) *La madrugada de este viernes se registró una tragedia en la cabecera municipal de Tuxpan, que deja como saldo dos personas muertas* (Se registra tragedia en la cabecera municipal de Tuxpan. 03.04.2020) [Ibidem]. / На рассвете в пятницу в муниципалитете Туспана сообщили о трагедии, в результате которой погибло два человека (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – Ю. Г.).

(2) *Al continuar con la inspección de la finca localizaron colgado de una soga y atada a una viga el cuerpo de quien fuera el esposo de esta mujer identificado como José Luis Medina Martínez, de 26 años de edad* (Se registra tragedia en la cabecera municipal de Tuxpan. 03.04.2020) [Ibidem]. / Продолжив осмотр фермы, они обнаружили тело супруга убитой женщины по имени Хосе Луис Медина Мартинес, 26 лет, которое висело на веревке, привязанной к балке.

(3) *...un hombre de 40 años mató a su ex pareja con una escopeta y luego se suicidó con la misma arma, según informaron fuentes policiales* (En Chile hubo 42 feminicidios y 112 casos frustrados en 2017. 01.01.2018) [Ibidem]. / ...по данным полиции, 40-летний мужчина застрелил свою девушку из дробовика, а затем покончил жизнь самоубийством при помощи того же оружия.

Фемциду даются следующие наименования: *tragedia* (трагедия), *drama* (драма), *drama pasional* (страстная драма), *drama familiar* (семейная драма), *verdadero drama* (настоящая драма). Отрицание наличия самой проблемы гендерного неравенства и дискриминации женщин проявляется в активной эвфемизации фемцида посредством следующих лексических единиц: *confuso incidente* (неясный инцидент), *el hecho* (случай), *una decisión así* (такое решение), *un terrible accidente* (ужасный несчастный случай), *violento arrebato* (вспышка жестокости), *crimen de carácter sentimental* (преступление сентиментального характера) [8].

Присутствует лексика с семантикой «потерять контроль», «обезуметь», агрессор описывается как сумасшедший, шизофреник, психически больной человек, потерявший контроль над своими эмоциями и действиями, нередко обезумевший от любви, ему приписываются следующие характеристики: *loco* (сумасшедший), *esquizofrénico* (шизофреник), *desquiciado* (чокнутый), *loco de amor* (обезумевший от любви) [Ibidem]. Таким образом, подобные «несчастные случаи», по мнению прессы, якобы нельзя было никак избежать, они произошли из-за психических отклонений убийцы, который обезумел от горя и обиды, нанесенной ему женщиной, и не смог справиться со своими эмоциями. Фемцид репрезентируется как любовная трагедия пары, а убийца или насильник позиционируется как жертва с глубокими душевными травмами (примеры 4-5).

(4) *Marido arrebatado baleó a su esposa y se suicidó* (16.01.2007) [11]. / Обезумевший муж застрелил свою супругу и покончил жизнь самоубийством.

Агрессор всегда был «нормальным» и «беспроблемным», но из-за женщины сошел с ума и сам лишился жизни (пример 5):

(5) *Era un alumno normal. Nunca hubo ningún problema. Pensemos que fue locura de amor* (14.07.2007) [13]. / Он был нормальным студентом, с ним никогда не было проблем. Мы думаем, что он обезумел из-за любви.

При легитимации фемцида применительно к убийцам журналисты используют такие номинации, как *pareja sentimental* (возлюбленный), *ex pareja* (экс-возлюбленный), *cónyuge* (супруг), *marido* (муж), который всегда любил жертву.

Зачастую женщины, ставшие жертвами фемцида, меняются местами с агрессорами. Конструируется образ женщины, нарушившей определенные гендерные установки, происходит перекладывание вины за совершенное преступление на саму жертву. Так, пишут о том, что до трагедии женщина якобы совершила какой-то ужасный поступок, была замешана в преступлении, изменила, оставила мужчину, что и спровоцировало насильника на ответные действия. Легитимация в таком случае реализуется с помощью **стратегии апелляции к авторитету традиции**.

Процесс делегитимации фемцида в латиноамериканских СМИ: дегуманизация социального феномена

Проведя анализ текстов ведущих латиноамериканских СМИ, мы пришли к выводу, что делегитимация фемцида в большинстве случаев осуществляется с помощью **стратегии дегуманизации**, переплетающейся со **стратегией моральной оценки**. При этом встречаются следующие номинации фемцида: *feminicidio* (фемцид), *violencia de género* (гендерная жестокость), *machismo* (сексизм), *violencia machista*, *violencia sexual* (жестокость по отношению к представителям другого пола), *violencia contra mujeres* (жестокость по отношению к женщинам), *maltrato machista* (жестокое обращение со стороны мужчин), *esclavitud doméstica* (домашнее рабство), *violencia vicaria* (неологизм, который возник в испанском языке в контексте упоминания фемцида, обозначает насилие отца по отношению к своим детям, осуществляемое с целью навредить матери детей) [8].

Дегуманизация фемцида находит свое языковое отражение в соответствующих лексических единицах с семантикой страдания, подавления и разного рода дискриминации: *sumisión* (подавление), *dependencia* (зависимость), *desigualdad* (неравенство), *devaluación de la mujer, sexo débil* (слабый пол), *discriminación* (дискриминация), *inferioridad* (неполноценность), *opresión* (подавление), *subordinación* (подчинение), *adulterio* (прелюбодеяние), *violentadas* (подвергшиеся насилию), *violadas* (подвергшиеся насилию), *maltratadas* (пережившие плохое обращение), *asesinadas* (убитые), *secuestradas* (похищенные), *sufrir* (страдать), *miedo* (страх), *pánico* (паника) [Ibidem].

Совершившие фемцид получают номинации с яркой негативной эмоционально-оценочной коннотацией: *asesino* (убийца), *agresor* (агрессор), *monstruo* (монстр), *desalmado* (бездушный), *robar vidas* (украсть жизни) [Ibidem].

Делегитимация фемцида выстраивается также на **стратегии обвинения** государства, в прессе открыто говорят о якобы желании государственных структур увековечить культурные модели подчинения, дискриминации и подавления женщин. Именно этим, по мнению мексиканских журналистов, обусловлено бездействие властей в вопросе гендерной жестокости (пример 6):

(6) *Estado, pues con dicho delito se pretende perpetuar los patrones culturales de subordinación, inferioridad y opresión de las mujeres* (CNDH llama a la FGR a no eliminar delito de feminicidio. 13.02.2020) [10]. / Государство в контексте данного преступления стремится увековечить культурные модели подчинения, принижения и подавления женщин.

Стратегия обвинения государства актуализируется при описании многочисленных случаев бездействия правоохранительных органов, их безразличия к жертвам, заявившим о фактах насилия, намеренной подтасовки сведений. Так, незадолго до своей смерти погибшая обращалась в Государственное министерство штата Чьяпас и Государственный секретариат здравоохранения с заявлением, но государство оказалось безучастным к судьбе девушки, ей всего лишь предложили взять отпуск на месяц (пример 7):

(7) *La joven, de 24 años y quien estudiaba en la Facultad de Medicina de la Universidad Autónoma de Chiapas, había denunciado ante el Ministerio Público y presentado un reporte en la Secretaría de Salud del estado, a la que pertenecía, pero el primero mostró indiferencia por el caso y la segunda solo le ofreció un mes de vacaciones* (Conmoción y desconuelo por el feminicidio de una médica en Chiapas. 02.02.2021) [Ibidem]. / 24-летняя молодая женщина, студентка медицинского факультета Автономного университета штата Чьяпас, обратилась в Министерство государственного управления и направила заявление в Государственный секретариат здравоохранения, к которому она была прикреплена, однако в министерстве к ней проявили безразличие, а секретариат просто предложил взять месяц отпуска.

После убийства, пишут мексиканские журналисты, прокуратура заявила, что на теле нет следов сексуального насилия, а вскрытие якобы установило, что причиной смерти стала механическая асфиксия:

(8) *Tras el asesinato, la fiscalía de Chiapas, en un comunicado, aseguró que el cuerpo no presentaba huellas de violencia y agresión sexual, y la necropsia de ley determinó que la causa de muerte fue "asfixia mecánica por ahorcamiento"* (Conmoción y desconuelo por el feminicidio de una médica en Chiapas. 02.02.2021) [Ibidem]. / После убийства прокуратура штата Чьяпас в своем заявлении заверила, что на теле не было следов насилия и сексуальных домогательств, а вскрытие установило, что причиной смерти стала «механическая асфиксия через повешение».

Чилийские журналисты пишут о том, что случаи фемцида нередко интерпретируются властями как суицид:

(9) *El caso fue catalogado como un "suicidio" por la Procuraduría (fiscalía) General de Justicia de Ciudad de México* (Feminicidio en México: Mara Castilla, el asesinato de una joven de 19 años en un taxi que indigna a un país violento. 18.09.2017) [12]. / Случай был классифицирован Генеральной прокуратурой Мексики как «самоубийство».

При этом, упоминает издание *La Tercera*, прокуратура даже публиковала официальные заявления в своих социальных сетях, сообщая о том, что у жертвы были зависимости и она прогуливала учебу, что, по заявлениям очевидцев, родственников и знакомых девушки, не соответствовало действительности:

(10) *Incluso difundió mensajes en Twitter para señalar una presunta adicción y abandono escolar de la víctima* (Feminicidio en México: Mara Castilla, el asesinato de una joven de 19 años en un taxi que indigna a un país violento. 18.09.2017) [Ibidem]. / Она (прокуратура) даже написала в Твиттере, что у жертвы, возможно, была зависимость и она прогуливала школу.

В мексиканских СМИ звучат громкие заголовки «Упущения и халатность встречаются повсеместно при фемциде»:

(11) *Omisión y negligencia abundan en casos de feminicidio* (Omisión y negligencia abundan en casos de feminicidio. 14.05.2017) [10].

СМИ говорят о том, что многие женщины скрывают факты насилия. Не хотят терять репутацию, придавать огласке неприглядные факты своей личной жизни, испытывают стыд. Упоминается важность открыто заявлять о случаях насилия, не боясь общественного осуждения и последующей ревиктимизации (*revictimización institucional*) – реакции государственной системы на жертву.

Заключение

Комплексное исследование репрезентации фемцида в контексте его легитимации и делегитимации обнажает глубокие противоречия, существующие в процессе восприятия данной проблемы обществом и властью, а также позволяет сделать следующий вывод: жестокое обращение с женщинами выступает одновременно и как объект легитимации, и как объект делегитимации в латиноамериканских средствах массовой информации, что обусловлено определенными идеологическими установками проправительственных СМИ и другими экстралингвистическими факторами.

Стратегии легитимации и делегитимации сложных социальных феноменов выстраиваются на апелляции к чувствам аудитории посредством эмоциональной оценки происходящего. Проблема ущемления прав женщин не признается, отрицается на государственном уровне, что вербализовано эвфемизмами, помогающими репрезентировать факты жестокого обращения с женщинами как несчастные случаи или семейные драмы. При этом жертва и насильник меняются местами, происходит обвинение женщины в невыполнении принятых консервативных обществом гендерных установок через апелляцию к авторитету традиции, а агрессор представляется как человек с глубокими душевными травмами, психическими расстройствами и суицидальными наклонностями, вызванными проблемами в любовных отношениях, произошедшими по вине женщины.

Данное исследование вносит свой вклад в языковое восприятие легитимации и делегитимации, которые переходят из разряда исключительно политологических и философских феноменов в область лингвистического научного знания, что позволяет отследить процесс языкового конструирования легитимности/нелегитимности не только власти и социальных институтов, но и сложных социальных явлений. В качестве перспектив исследования рассматривается возможность анализа процесса легитимации/делеги́тимации фемцида в средствах массовой информации Испании, характеризующейся иной позицией в вопросе дискриминации женщин, и сравнения выявленных дискурсивных стратегий и языковых средств их реализации.

Источники | References

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Козачина А. В. Реализация мифопоэтической стратегии легитимации институционализированных ценностей в японском педагогическом дискурсе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. № 6. С. 20-26.
3. Колмогорова А. В. Дискурсивные стратегии легитимации однополых браков в российском медиапространстве // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 2. С. 99-116.
4. Колмогорова А. В., Горностаева Ю. А. Все ли могут короли? или Стратегии легитимации испанской монархии в политическом медиадискурсе СМИ // Политическая лингвистика. 2021. Вып. 1 (85). С. 41-50.
5. Abdi R., Basarati A. Legitimation in Discourse and Communication Revisited: A Critical View towards Legitimizing Identities in Communication // International Journal of Society, Culture and Language. 2018. Vol. 6. Iss. 1. P. 86-100.
6. Alcocer Perulero M. Representación de las víctimas de feminicidio en la prensa guerrerense, 2005-2009. México: El Colegio de la Frontera Norte, 2012. 163 p.
7. Fairclough I. Legitimation and Strategic Maneuvering in the Political Field // Argumentation. 2008. Vol. 22. № 3. P. 399-417.
8. <https://dle.rae.es/>(дата обращения: 20.07.2021).
9. <https://miguelangelluna.mx/>(дата обращения: 20.07.2021).
10. <https://www.diariodemexico.com/>(дата обращения: 20.07.2021).
11. <https://www.lacuarta.com/>(дата обращения: 20.07.2021).
12. <https://www.latercera.com/>(дата обращения: 20.07.2021).
13. <https://www.lun.com/>(дата обращения: 20.07.2021).
14. Lagos Lira C. Una tipología del feminicidio según la prensa chilena. Manifestación de la violencia de género // Faro: revista teórica del Departamento de Ciencias de la Comunicación. 2008. № 8. P. 1-12.
15. Leeuwen T., Wodak R. Legitimizing immigration control: A discourse-historical analysis // Discourse Studies. 1999. Vol. 1. P. 83-118.
16. Montero L. El día más difícil del rey. Discursos de legitimación monárquica desde la ficción televisiva // Revista de Historia Actual. 2015. № 12. P. 43-50.
17. Poblete C. Estrategias de legitimación del discurso de los diputados en la Acusación Constitucional en contra de la Ministra de Educación de Chile // Revista Signos. 2011. № 44 (76). P. 168-182.
18. Reyes A. Strategies of legitimization in political discourse: From words to actions // Discourse & Society. 2011. Vol. 22. Iss. 6. P. 781-807.

19. Rizwan S. Legitimation strategies and theistic worldview in socio-political discourse: A systematic functional critical discourse analysis of Pakistani social media discussions // *Text & Talk*. 2019. Vol. 39. Iss. 2. P. 235-260.
20. Screti F. Defending Joy against the Popular Revolution: Legitimation and Delegitimation through Songs // *Critical Discourse Studies*. 2013. Vol. 10. № 2. P. 205-222.
21. Vaara E., Tienari J. A discursive perspective on legitimation strategies in multinational corporations // *Academy of Management Review*. 2008. Vol. 33. P. 985-993.
22. Vega Montiel A. El Tratamiento De La Violencia Contra Las Mujeres En Los Medios De Comunicación // *Comunicación y Medios*. 2014. № 30. P. 9-25.

Информация об авторах | Author information

Горностаева Юлия Андреевна¹, к. филол. н.
¹ Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

Gornostaeva Yulia Andreevna¹, PhD
¹ Siberian Federal University, Krasnoyarsk

¹ yulyatald@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 16.07.2021; опубликовано (published): 15.09.2021.

Ключевые слова (keywords): фемицид; СМИ; легитимация; делегитимация; апелляция к авторитету традиции; femicide; mass media; legitimation; delegitimation; appeal to tradition.